

Двойственная природа человека как антропологический принцип

К.Н. Холоднова

Московский государственный университет

имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Аннотация

В статье автор анализирует двойственность как фундаментальный антропологический принцип, лежащий в основе понимания того, что такое человек. Выявляется идейная преемственность антропологических проектов внутри русской философии, а также обращается внимание на важнейшие различия в контексте данного вопроса между русской и европейской мыслью. Философия Ф.И. Гиренка рассматривается как уникальный проект современной мысли, отличающийся от других самобытностью и оригинальностью. Анализ этого проекта проводится на основании монографий философа, которым присущи лаконичность, доступность и смысловая наполненность. В статье исследуются философские проблемы, в понимании которых может помочь осмысление двойственности как основного антропологического принципа. Утверждается, что, анализируя взгляды мыслителей на проблему человека, в частности Ф.М. Достоевского и Ф.И. Гиренка, следует учитывать их преемственность, оригинальность и востребованность в действительности. В статье раскрывается подход к проблеме человека в предшествующей и современной русской философии. Анализируются последствия исключения проблемы из философской мысли на примере европейской философии, а также указывается на насущную необходимость возвращения к исследованию этой проблемы в поле философского дискурса. Акцентируется внимание на возможности оценки перспектив развития общества в целом при помощи идей Ф.И. Гиренка. Выявляется поле возможностей для развития самобытной русской философии, так необходимой в современной действительности. Автор обосновывает, что русская философская антропология дает возможность русской мысли развиваться в оригинальном ключе и занять свое особое место в современной философии.

Ключевые слова: философская антропология, русская философия, природа человека, иллюзия, человек, сознание, сингулярная философия.

Холоднова Ксения Николаевна – аспирант кафедры философской антропологии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
kholodnovaksenia@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0008-7336-0230>

Для цитирования: Холоднова К.Н. Двойственная природа человека как антропологический принцип // Философские науки. 2023. Т. 66. № 2. С. 62–77. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-66-2-62-77

The Duality of Human Nature as an Anthropological Principle

K.N. Kholodnova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract

The article delves into an analysis of duality as a fundamental anthropological principle that forms the basis for understanding what it means to be human. The article uncovers the ideological continuity within Russian anthropological projects, while also highlighting significant differences between Russian and European thought in this context. F.I. Girenok's philosophy is presented as a unique project in modern thought, marked by its distinctiveness and originality. F.I. Girenok's works, noted for their succinctness, accessibility, and meaningfulness, serve as the basis for the analysis of this project. Philosophical problems, which can be elucidated by understanding duality as a fundamental anthropological principle, are explored in the article. The article argues that considerations of intellectual continuity, originality, and real-world relevance are essential when analyzing the views of thinkers such as F.M. Dostoevsky and F.I. Girenok on the human condition. The approach to the human condition in both historical and contemporary Russian philosophy is revealed in the article. Using European philosophy as an example, the article analyzes the implications of excluding this issue from philosophical thought and underscores the pressing need for its reintegration into philosophical discourse. The article focuses on how F.I. Girenok's ideas can be used as a framework for evaluating the future development of society. The potential for developing a distinct

Russian philosophy, a necessity in the current reality, is uncovered in the article. The author substantiates that Russian philosophical anthropology contributes to the development of Russian thought in a unique manner and secures its distinct position in modern philosophy.

Keywords: philosophical anthropology, Russian philosophy, human nature, illusion, human, consciousness, singular philosophy.

Ksenia N. Kholodnova – Ph.D. student of the Department of Philosophical Anthropology, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University.

kholodnovaksenia@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0008-7336-0230>

For citation: Kholodnova K.N. (2023) The Duality of Human Nature as an Anthropological Principle. *Russian Journal of Philosophical Sciences* = *Filosofskie nauki*. Vol. 66, no. 2, pp. 62–77.
DOI: 10.30727/0235-1188-2022-66-2-62-77

Введение

На Международной научной конференции «Московская антропологическая школа: новые идеи в философии» (25 марта 2023 года) Ф.И. Гиренок выступил с докладом «Несколько тезисов об иллюзивной материи человеческого существования», в котором раскрыл основную идею сингулярной философии. Ранее данный концепт был представлен в его работах «Удовольствие мыслить иначе» (2008) и «Введение в сингулярную философию» (2021), а также в ряде статей и лекций, прочитанных им на философском факультете МГУ имени М.В. Ломоносова. В попытках выстроить свою антропологию, принципиально неклассического типа, антинаучную, антидогматичную и антипроектную, как справедливо охарактеризовал ее на конференции С.А. Смирнов, Ф.И. Гиренок определяет человека как существо грезящее, иллюзивное, галлюцинирующее, принужденное по своей природе раздваиваться, т.е. возводит двойственность в ранг фундаментального антропологического принципа. Однако под двойственностью Ф.И. Гиренок понимает не раздвоение на душу и тело, как, например, у Р. Декарта, а несовпадение человека с самим собой. Оно проходит через сердцевину самости человека. Возможность человека начать утверждать в реальности объекты своих галлюцинаций

рассматривается Ф.И. Гиренком как точка сингулярности или взрыв галлюцинаций, после которого и из-за которого человек раздвоился. С возникновением наскальной живописи появляется и «человек воображающий», т.е. такой человек, который смог создать второй план, удвоить реальность, перенеся рисунки из воображения на скалы. С этого момента человек начинает существовать по двойной логике, а именно по логике внутренней жизни (по законам сознания) и логике внешней жизни (по законам разума).

В настоящей статье нами исследованы истоки концептуализации антропологического принципа двойственности в русской философии, показана их связь с сингулярной философией. Отметим при этом, что осмысление двойственности природы человека занимает важное место в русской философской традиции. Например, Н.А. Бердяев в работе «Проблема человека» рассматривает человека как существо, с одной стороны, греховное, а с другой – как сотворенное Богом по образу и подобию своему. Соединение и того, и другого в человеке становится в итоге причиной двойственности его самосознания. В контексте философии В.С. Соловьева можно размышлять о мире, стремящемся к всеединству, которое способен осуществить только человек, объединяя в себе Бога и мир. Для С.Л. Франка двойственностью человека становится совмещение в нем духа и душевно-телесного существа. Нами приведены лишь некоторые подходы к пониманию двойственности, представленные в русской философии. Однако в рамках настоящей статьи они не будут изложены ввиду необходимости сосредоточиться на линии, заданной Ф.М. Достоевским, которая находит продолжение в сингулярной философии Ф.И. Гиренка, а также в европейской философии Ж. Бодрийяра. Для реализации поставленных задач прежде всего обратимся к идеям Ф.М. Достоевского, а затем к их рецепции в антропологическом проекте Ф.И. Гиренка.

Тема двойственности в творчестве Ф.М. Достоевского

Проблема двойственности человеческой природы является центральной для повести «Двойник», написанной Ф.М. Достоевским в 1845–1846 годах. В ней писатель рассказывает о странном человеке – Якове Петровиче Голядкине, бедном чиновнике,

который однажды внезапно обнаруживает такого же Голядкина, как и он, посреди улицы, затем у себя дома и в дальнейшем на службе. Голядкин-младший сначала нравится Голядкину-старшему, а затем тот начинает постепенно вытеснять его из реальности. У младшего лучше получается служить, завязывать нужные социальные связи и быть таким, каким его хотят видеть, т.е. отказываться от себя, в то время, как Голядкин-старший страдает от невозможности позволить обществу доопределять себя. Реакцию Другого на раздвоенность Голядкина Достоевский формулирует устами слуги главного героя, Петрушки, который говорит: «А добрые люди живут по честности, добрые люди без фальши живут и по двое никогда не бывают...» [Достоевский 1972, 180]. На протяжении повести главный герой пытается избавиться от двойника, т.е. изжить собственную раздвоенность, ощущая ее как нечто ненормальное и невозможное. Своему двойнику он пишет: «Либо Вы, либо я, а вместе нам невозможно» [Достоевский 1972, 188]. Раздваиваться – значит идти к себе или убежать от себя: «он глядит теперь так, как будто сам от себя спрятаться хочет, как будто сам от себя убежать куда-нибудь хочет» [Достоевский 1972, 139]. Голядкин-младший – это убежание от себя. Куда он бежит от себя? В общество. Там нет места сознанию, но только разуму. Действуя разумно, Голядкин-младший получает похвалу от начальства. Он уходит в общество, чтобы жить, а не терзаться сознанием. Общество награждает его готовыми формулами и законами, по которым он сможет существовать.

Образ Голядкина не оставлял Достоевского на протяжении последующих практически 20 лет, о чем свидетельствуют записные книжки и тетради писателя. В записях 1860–1862 годов мы находим наброски Достоевского, необходимые для запланированного им переиздания повести. И в «Дневнике писателя» за 1877 год Достоевский сформулирует причину, по которой возвращение к образу Голядкина для него было важным: «Повесть эта мне положительно не удалась, но идея ее была довольно светлая, и серьезнее этой идеи я никогда ничего в литературе не проводил. Но форма этой повести мне не удалась совершенно» [Достоевский 1984, 65]. В записных книжках 1860-х годов Достоевский пишет: «Это теория младшего. Младший – олицетворение подлости»

[Достоевский 1971, 137]. Подлости по отношению к самому себе. Выбирая горизонт социального, Голядкин-младший отказывается от себя, выбирает путь избегания себя, отказа от сознания, возможности определять себя изнутри, удовлетворяясь возможностью быть доопределенным извне. Голядкин-старший на это пойти не может. Он мучается сознанием и делится своими мечтами с младшим: «Мы бы жили, близнецы, в дружбе, общество бы умилительно смотрело на нас, и мы бы умерли, могилы рядом» [Достоевский 1971, 140]. Потребность слиться с младшим у старшего конституирована измученностью сознанием, невозможностью одновременно и жить, и сознавать. Слияние с двойником видится ему возможностью избежать собственной двойственности. В этой связи очень важным становится метафорически заданный Достоевским мотив самозванства в повести через образ Гришки Отрепьева: «Самозванство и бесстыдство... не к добру приводит, а до петли доводит» [Достоевский 1972, 167]. Голядкин-младший становится для старшего самозванцем, тем, кого не существует, но тем, кем он пытается казаться, поскольку, соглашаясь на то, чтобы быть социально одобряемым, он избавляется от самого себя, навсегда теряет возможность встречи с самим собой. По мере развития сюжета повести мы наблюдаем за тем, как изменяются отношения Голядкина-старшего и его двойника. Первоначальная очарованность старшего возможностью «достроиться», слившись с двойником, сменяется разочарованием от осознания для себя невозможности изжить это внутреннее несовпадение с собой. Оно измучило Голядкина-старшего, довело до безумия. Двойственность, как позднее напишет Достоевский, обернется страданием для того, кто ей обладает. Именно неспособность человека преодолеть двойственность и позволит нам размышлять о ней, как о «формуле человека», выведенной Достоевским.

Писатель отзывался о Голядкине следующим образом: «Мой главнейший подпольный тип (надеюсь, что мне простят это хвастовство в виду собственного сознания в художественной неудаче типа)». И далее продолжал: «Подпольный человек есть главный человек в русском мире. Всех более писателей говорил о нем я...» [Достоевский 1971, 49]. Мы видим, как писатель точно определяет глубокое родство между Голядкиным и человеком из подполья,

героем повести «Записки из подполья», в которой Достоевский развивает идеи, лежащие в основе «Двойника».

Повесть «Записки из подполья» написана в 1864 году, т.е. несколько лет спустя после того, как Достоевский начал планировать переиздание «Двойника». Кроме того, в записных книжках за 1863–1864 годы писатель продолжает делать заметки о новых сценах из «Двойника», а значит, замыслы этих двух повестей присутствуют в нем одновременно. Данный факт позволяет нам говорить об идейной преемственности между «Двойником» и «Записками из подполья».

В новой повести у Достоевского появляется безымянный главный герой, который постоянно сетует на то, что дважды два четыре, а реальность будто стена, т.е. невозможность. Законы природы только и делают, что ограничивают человека, которому нужно лишь собственного хотения. Подпольный человек страдает от невозможности найти собственные основания, заявляя: «...у меня всякая первоначальная причина тотчас же тащит за собой другую, еще первоначальнее, и т.д.; в бесконечность» [Достоевский 1973, 108]. Он ощущает неуместность своего пребывания в обществе, поскольку не способен делать вид, что он это не он, а кто-то другой, и у него не получается отказаться от попыток определить себя как себя, т.е. как существа сознающего. Подпольный человек не позволяет другим доопределять себя. Зато, по Достоевскому, он будет одним из тех, кто не «тяготится быть человеком» и не хочет быть частью «всемства». Именно в этом Достоевский обостряет максимально идею о невозможности одновременно жить и сознавать. Голосом подпольного человека писатель вводит тип «людей думающих, а следственно ничего не делающих» [Достоевский 1973, 103]. А «усиленное сознание» определено им как «самая настоящая болезнь». Непосредственно через подпольного человека Достоевский впервые придет к идее о том, что «человек устроен комически» [Достоевский 1973, 119]. Он не венец, не закономерный итог, а просчет, случайность мира, и все его устройство – «одно надувание» [Достоевский 1973, 121].

«Главнейший подпольный тип», который Достоевский впервые вывел в «Двойнике» и развил в «Записках из подполья», становится для него попыткой найти «формулу человека», о которой

он рассуждал в «Дневнике писателя». В статье за 1877 год Достоевский писал: «Муравей знает формулу своего муравейника, пчела тоже своего улья, но человек не знает своей формулы» [Достоевский 1984, 165]. Впрошая о человеке, Достоевский выводит подпольный тип. Берущий начало в Якове Петровиче Голядкине раздвоенный человек Достоевского в «Записках из подполья» становится резче, острее и глубже. Герой «Записок из подполья» – манифестатор, бесконечно «упражняющийся в мышлении». В отличие от Голядкина, который сохраняет какие-то нити взаимодействия с людьми, подпольный человек их разрывает, опираясь на свои внутренние причины. Оставаясь один на один с собой, он ищет возможности определить себя положительно, вывести внутренние законы, по которым он будет существовать. Но множество проклятых вопросов, поднимающихся внутри него, вместе с невозможностью ответить на них становятся «роковой бурдой», порожденной им. Достоевский будто застигает подпольного человека в момент, когда все прежние основания, в частности внешние, социальные, он уничтожил, а внутренние еще не обрел. Оба героя не могут уместить себя в горизонте социального, перестать давать себе отчет о себе, пытаться себя определить. Однако герой «Записок из подполья» видится более радикальным, остро поставленным Достоевским. Именно его голосом писатель сформулирует проблему сознания более четко, чем в других своих произведениях.

В период менее года до смерти Достоевский пишет два письма, адресованных Е.Ф. Юнге и М.А. Поливановой соответственно, в которых рассуждает о двойственности как о фундаментальной черте человеческой природы. Наиболее интересным для нас видится первое из них. В письме художнице Екатерине Федоровне Юнге от 11 апреля 1880 года Достоевский дает следующее определение двойственности: «Что Вы пишете о Вашей двойственности. Но это самая обыкновенная черта у людей... не совсем, впрочем, обыкновенных. Черта, свойственная человеческой природе вообще, но далеко-далеко не во всякой природе человеческой встречающаяся в такой силе, как у Вас. Вот и поэтому Вы мне родная, потому что это раздвоение в Вас точь-в-точь, как и во мне, и всю жизнь во мне было. Это – большая мука, но

в то же время и большое наслаждение. Это – сильное сознание, потребность самоотчета и присутствие в природе Вашей потребности нравственного долга к самому себе и к человечеству. Вот что значит эта двойственность» [Достоевский 1988, 149]. Давая таким образом определение двойственности, Достоевский, во-первых, говорит о разной проявленности двойственности в людях; во-вторых, определяет ее одновременно и как муку, и как наслаждение. Наслаждение от возможности встречи с самим собой приобретает через постоянную муку, сопровождающую сознание и самоотчет. Двойственность понимается писателем как то, что «на всю жизнь» существует в людях по природе, а значит, неизживаемо. Потребность самоотчета позволяет удерживать собственную самость. Постоянно себя проговаривая, человек Достоевского удерживает себя около себя, не позволяя другим вмешаться в процесс его становления. Отчитываться перед самим собой – значит пребывать в сознании.

Сингулярная философия

Подобно Ф.М. Достоевскому Ф.И. Гиренок фиксирует раздвоенность человека как фундаментальный антропологический принцип. В статье «Философский анализ идеи раздвоенности человеческого существования» Ф.И. Гиренок указывает на то, что европейская философия не смогла поставить вопрос о человеке, пойдя за Аристотелем. Он науки о душе отнес к биологии. О двойственности человека рассуждал и Декарт в «Размышлениях о первой философии». Он писал: «...каким образом можно было бы отрицать, что руки эти и все это тело – мои? Разве только я мог бы сравнить себя с Бог ведает какими безумцами, чей мозг настолько помрачен тяжелыми парами черной желчи, что упорно твердит им, будто они короли, когда они нищие...» [Декарт 1994, 17]. В этом случае безумием становится то, что говорит нам мозг. Тогда «реальность будет производна от чувства реальности», и реальность сама по себе не будет существовать. Она становится результатом галлюцинации, иллюзии. Выступая с докладом на конференции, профессор Гиренок утверждает, что «люди – иллюзионисты, а не рационалисты», а иллюзия – «знак присутствия человека по отношению к самому себе». Рассуждая таким образом,

Гиренок предпринимает попытку поставить вопрос о человеке, необходимость которого понимал и Декарт. В попытке ответить на вопрос «Что такое человек?» Декарт писал: «Скажу ли это я, что это – живое разумное существо? Нет, ибо тотчас же вслед за этим возникнет вопрос: что это такое – живое существо и что такое разумное? – и так я от одного вопроса соскользну ко множеству еще более трудных; между тем я не располагаю досугом, чтобы растрачивать его на подобные тонкости» [Декарт 1994, 22]. Так, Декарт, как и вся европейская философия, оставит вопрос о том, что такое человек, без ответа.

Декартовское «человек есть пловец в лодке» влечет за собой то, что «я принимаю себя за себя и себя за другого на одних и тех же основаниях», а значит, «я одинаково безумен и тогда, когда принимаю себя за себя и тогда, когда принимаю себя за другого», как отметил в упомянутом выше докладе Гиренок. Но разница заключается в том, что первое, как было замечено, будет согласованной с обществом галлюцинацией, а значит, чем-то социально приемлемым, второе – нет.

Делая второй шаг, Декарт заявляет о том, что «сон никогда не может быть отличен от бодрствования» [Декарт 1994, 17]. Последствием этого тезиса Гиренок называет дисквалификацию субъекта и смерть человека в европейской философии. В случае, если все – сон, то эволюция исключит спящих существ, а если все – явь, то существование человека будет невозможным. В результате «европейская философия нашла выход в дисквалификации субъекта и идее “смерти человека”» [Гиренок 2019, 73], которая стала в том числе и закономерным результатом смерти Бога, провозглашенной Ф. Ницше. В частности, Н.Н. Ростова в книге «Мягкая сила постгуманизма. Что нам мешает мыслить по-русски?» справедливо утверждает: «Смерть Бога волнует Ницше в перспективе расчеловечивания человека. Убивая Бога, Ницше устраняет тот антропологический тип, который им удерживался. Бог и человек сопринадлежны друг другу» [Ростова 2022, 58]. Для чего Ницше понадобилось убивать человека? Для освобождения места для сверхчеловека. Задавая сверхчеловека как позитивный смысл идеи «смерти человека», Ницше делает человека тем, что попросту нужно преодолеть. В результате в рамках философии,

в которой вопрос о человеке так и не поставлен, сегодня не может быть дан полноценный ответ на вопрос о том, как отличить естественный интеллект от искусственного. Открытым остается и вопрос о том, почему права человека не могут быть отчуждаемы в пользу постчеловеческих сущностей.

Ф.И. Гиренок в рамках построения концепта сингулярной антропологии пытается вернуть в поле философии вопрос о том, что такое человек, который сегодня становится актуальным как никогда прежде, как минимум в контексте различения человека и постчеловеческих сущностей и отличия естественного интеллекта от искусственного. Для этого он фиксирует специфически человеческий способ существования как «заглядывание в бездонность небытия», поскольку иллюзия оказывается сущим, которое показывает себя не тем, что оно есть. Относиться к себе – значит заглядывать в свое небытие. Именно в иллюзии человек дан самому себе, вне ее он начинает фрагментироваться, распадаться. Где даны нам наши иллюзии? В горизонте сознания, а значит, жить и сознать – это не одно и то же. Когда мы живем, мы не сознаем, и наоборот. Фиксируя несовпадение человека с самим собой, Гиренок ставит двойственность в основание человеческого. Он заявляет: «Чем больше мы изживаем свою двойственность, тем больше мы исчезаем» [Гиренок 2021, 52]. Будучи раздвоенным, человек вынужден всегда делать выбор – жить ему или сознать. Сталкиваясь с человеком, мы видим не того, кто живет в мире, но того, кто живет в картине мира, т.е. в мифе, иллюзии. В картине мира невозможно иметь дело с такими категориями, как реальность или истина. Однако возможным становится ухватить специфически человеческий след, а именно смысл, которому всегда будет предшествовать работа по преодолению бессмысленности мира. Где человек находит смыслы? Они становятся возможными в горизонте сознания и невозможными для разума, ведь «не ошибается душа, разогретая эмоциями» [Гиренок 2013, 43]. Разум ищет истину, которая сцеплена с реальностью, но ничего из этого не имеет отношения к человеку. «В человеке мир свернулся. В нас появилось внутреннее» [Гиренок 2021, 52]. Именно это внутреннее, которое является и причиной, и результатом раздвоенности, есть специфически человеческое. «Я – это разрыв в прочной ткани

реальности» [Гиренок 2008, 100]. Результатом отказа от своего «Я» и выхода в реальность становится общество, представляющее собой сборище «бесчисленных индивидов, которые сцепились в социум» [Гиренок 2021, 52]. Чем человек платит за возможность быть частью социума? Изживанием собственной двойственности. Результатом становится появление призрака там, где раньше был человек. И общество начинает управлять нашим небытием посредством языка.

Принципиальная антипроектность, антидогматичность и антидоктринальность философии Гиренка позволяют отказаться от попыток объективировать человека и оправдать его. Сингулярная философия становится таким проектом, в рамках которого мы не рискуем потерять человека, конструируя его, заменяя постчеловеком или сверхчеловеком. В пространстве концепции появляется и возможность схватывания человека как целого, и избегания его фрагментарности и распада на части. В сингулярной философии человек освобождается от конкуренции с постчеловеческими сущностями, в пространство которой его насильно затягивает современная, в том числе дигитальная философия. Специфически человеческим способом бытия становится возможность задавать смыслы, исходящие из горизонта сознания. Искусственный интеллект, будучи редуцированным только до разума, не может этого. Человек действует «ради мысли, а робот – по логике мысли» [Гиренок 2021, 5]. В манифесте Московской антропологической школы ее основатель заявляет: «Человек – это не алгоритм, а неожиданное вдруг». Человеку сингулярной философии, воспринятому в концепте Гиренка целостно, а не фрагментарно, не нужно сравнивать свою скорость обработки информации с компьютерной, потому что он не редуцируется только до биологического. Не нужно пытаться оправдать себя, сохранить свои права, которые в эпоху господства постгуманизма являются легко отчуждаемыми в пользу кого угодно, будь то искусственный или домашний питомец. Человек, по Гиренку, это сингулярное событие, и оно не может оставить после себя следов существования. Что будет с миром, если убрать из него человека? «Вместе с ним исчезнут все странные мнимости, что проросли в нем. Мир обеднеет на одну грезу» [Гиренок 2021, 23].

Заключение

Продemonстрировав преемственность антропологических идей Ф.М. Достоевского и Ф.И. Гиренка, вместе с тем заметим, что двойственность в антропологии Ф.М. Достоевского разворачивается в горизонте противопоставления антропологического и социального. При этом в сингулярной философии Ф.И. Гиренка идея грезения позволяет воспринять человека целостно и ставить остальные философские вопросы, в частности в сфере онтологии, гносеологии, аксиологии и т.д., вторым шагом, после ответа на вопрос «Что такое человек?». Важным следует признать тот факт, что в условиях развития современного общества, где остро стоят такие проблемы, как искусственный интеллект, области его применения, возможности и даже права, невозможно полноценное осмысление происходящих событий без ответа на вопрос о том, что такое человек. В чем специфическое отличие человеческого интеллекта от нечеловеческого? Где проходит граница между разумом и сознанием? Все это делает философию Ф.И. Гиренка современной и необходимой, а также может привлечь к ней интерес потенциального читателя.

Отметим далее, что философия Ф.И. Гиренка является содержательно концептом именно русской философии, что в настоящее время становится актуальным, как никогда прежде. Именно в условиях современной действительности Россия стремится найти самобытность и путь, который был бы специфически русским. Концепт Ф.И. Гиренка предоставляет для этого широкие возможности. Его идеи актуальны, самобытны и восполняют существующие пробелы в осмыслении такого многогранного явления, как человек. Сингулярная философия помогает осмыслять проблемы и перспективы развития важнейших аспектов действительности. Лаконичный, литературный и самобытный язык работ Ф.И. Гиренка делает его проект доступным широкому кругу читателей.

Сингулярная философия стала одной из необходимых для осмысления альтернатив в пространстве современной философской антропологии. Она усвоила, обогатила и переработала предшествующие до нее в философии попытки вопрошать о человеке, а также привнесла в историю современной мысли большое количество новых идей. В рамках сингулярной антропологии

философия вновь пытается повернуться к человеку, защитить его от проектирования, конструирования и фрагментарности. Именно русская философия остается таким пространством, в котором вопрос о человеке все еще продолжают ставить. Смерть Бога, провозглашенная Ф. Ницше, повлекла за собой, согласно М. Фуко, смерть человека [Фуко 2012]. В результате деантропологизации европейской философской мысли статус человека в мире пересмотрен, его онтологическая инаковость подорвана и изъяты привилегии существования. Имея это в виду, можно говорить о сингулярной философии как о необходимом сегодня способе мыслить человека, который позволит защитить его от всепоглощающего технократизма.

Подводя итог, можно заключить, что осознание человеком двойственности своей природы дает ему возможность человеку сохранить свое место в мире и защитить свою сингулярность в современных условиях торжества технологии. Это поможет определить территорию специфически человеческого, с которой его не смогут потеснить ни роботы, ни объекты.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Гиренок 2008 – *Гиренок Ф.И.* Удовольствие мыслить иначе. – М.: Академический Проект, 2008.

Гиренок 2013 – *Гиренок Ф.И.* Фигуры и складки. – М.: Академический Проект, 2014.

Гиренок 2019 – *Гиренок Ф.И.* Философский анализ идеи раздвоенности человеческого существования // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 449. С. 71–75.

Гиренок 2021 – *Гиренок Ф.И.* Введение в сингулярную философию. – М.: Проспект, 2021.

Декарт 1994 – *Декарт Р.* Размышления о первой философии, в коих доказывается существование Бога и различие между человеческой душой и телом // *Декарт Р.* Сочинения: в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1994. С. 3–72.

Достоевский 1971 – *Достоевский Ф.М.* Неизданный Достоевский: записные книжки и тетради 1860–1881 гг. – М.: Наука, 1971.

Достоевский 1972 – *Достоевский Ф.М.* Двойник // *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 1. – Л.: Наука, 1972. С. 109–229.

Достоевский 1973 – *Достоевский Ф.М.* Записки из подполья // *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 5. – Л.: Наука, 1973. С. 99–179.

Достоевский 1984 – *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя, 1877, сентябрь–декабрь – 1880, август // *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 26. – Л.: Наука, 1984.

Достоевский 1988 – *Достоевский Ф.М.* Письма, 1878–1881 // *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 30. Кн. 1. – Л.: Наука, 1988.

Ростова 2022 – *Ростова Н.Н.* Мягкая сила постгуманизма. Что нам мешает мыслить по-русски? – М.: Проспект, 2022.

Фуко 2012 – *Фуко М.* «Человека на самом деле не существует»: Мишель Фуко о том, что такое психология // Теории и практики. 5 декабря 2012. – URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/5556-cheloveka-na-samom-dele-ne-sushchestvuet-mishel-fuko-o-tom-chto-takoe-psikhologiya>

REFERENCES

Descartes R. (1994) *Meditations on First Philosophy*, in which the Existence of God and the Distinction between the Human Soul and Body are Demonstrated. In: Descartes R. *Collected Works* (Vol. 2, pp. 3–72). Moscow: Mysl' (Russian translation).

Dostoevsky F.M. (1971) *Unpublished Dostoevsky: Notebooks and Diaries 1860–1881*. Moscow: Nauka (in Russian).

Dostoevsky F.M. (1972) The Double. In: Dostoevsky F.M. *Complete Works* (Vol. 1, pp. 109–229). Leningrad: Nauka (in Russian).

Dostoevsky F.M. (1973) Notes from Underground. In: Dostoevsky F.M. *Complete Works* (Vol. 5, pp. 99–179). Leningrad: Nauka (in Russian).

Dostoevsky F.M. (1984) A Writer's Diary: September–December 1877 – August 1880. In: Dostoevsky F.M. *Complete Works* (Vol. 26). Leningrad: Nauka (in Russian).

Dostoevsky F.M. (1988) Letters: 1878–1881. In: Dostoevsky F.M. *Complete Works* (Vol. 30, book 1). Leningrad: Nauka (in Russian).

Foucault M. (2012) “Man Does Not Actually Exist”: Michel Foucault on What Psychology Is. *Theory & Practice*. Retrieved from <https://theoryandpractice.ru/posts/5556-cheloveka-na-samom-dele-ne-sushchestvuet-mishel-fuko-o-tom-chto-takoe-psikhologiya> (Russian translation).

Girenok F.I. (2008) *The Pleasure of Thinking Differently*. Moscow: Akademicheskiiy proekt (in Russian).

Girenok F.I. (2013) *Figures and Folds*. Moscow: Akademicheskii proekt (in Russian).

Girenok F.I. (2019) Philosophical Analysis of the Idea of Human Existence Dualism. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. No. 449, pp. 71–75 (in Russian).

Girenok F.I. (2021) *Introduction to Singular Philosophy*. Moscow: Prospekt (in Russian).

Rostova N.N. (2022) *The Soft Power of Posthumanism. What Prevents Us from Thinking in Russian?* Moscow: Prospekt (in Russian).